
Уметь понять молчание воды
И то, о чём тоскует подорожник.
Последний луч бледнеющей звезды
Ласкать пытливым взглядом осторожно,
Услышать песню ивы над ручьём
И гимн скворца — весенний, вдохновенный,
И ощутить перед лицом Вселенной
Короткий миг, который мы живём...

Зарос травой иль меньше стал тот двор,
 Теперь здесь наши бегают ребята.
 А вид с крыльца волнует до сих пор:
 Голутвин-монастырь в лучах заката.
 А двор не тот. Иль стали мы не те,
 Что нам милее душевные квартиры.
 Так в будничной нелепой суете
 Мы растеряли ощущение мира.
 Тут у забора движется Ока,
 Полынь цветёт, невзрачна и горька,
 На светлой зорьке точит вдовьи слёзы.
 Тут добрым словом помнят старика,
 Что посадил под окнами берёзы...
 От суеты, от пыльных, шумных дней
 Тут хорошо... И мы, душою дети,
 Спешим к окошку матери моей,
 Пока оно нам в этом мире светит.

ОКСАНА

Отец с весны бывает дома редко,
 К другому в город зачастила мать.
 Как хорошо, что в мире есть соседка —
 Она возьмёт Оксану ночевать.

Вечерний воздух стынет в зыбких тенях,
 И мир вокруг огромен и непрост.
 А ты качаешь куклу на коленях
 У тоненьких растрёпанных берёз.

А у подруг весёлые заботы —
 Пятнистый луч гоняют на лугу.
 «Пойдём, Оксана... Не идёшь чего ты?» —
 «Я доченьку оставить не могу!»

Кто вошёл в зелёную обитель,
Захламил истоки малых рек,
Лягушонка малого обидел —
Недруг, варвар? — Просто человек!

У берёз на белые рубашки
Что стекает — сок или слеза? —
В поле с корнем выдраны ромашки,
На иголке гибнет стрекоза.

Вспоминаю, было в сказке древней —
Шёл через леса, через бурьян,
Шёл один, искал свою царевну
Парень незадачливый — Иван.

Человечью мудрую науку,
Знать, сумел постичь Иван-дурак:
Отпустил медведя, зайца, щуку,
И свой путь продолжил натощак.

А сегодня время не такое —
Поумнел, увы, двадцатый век:
Берегись и прячься, всё живое —
На природу вышел человек!

«Всё к лучшему», — он думал, проходя
Из юности струящейся тропинкой.
Кололи искры острого дождя...
Как хорошо, что он остался с Нинкой!

Светлана — хрупкий лучик золотой —
Ей книги отвечали на вопросы.
Она была любовью и мечтой,
А в жизни с ней, поди, совсем не просто.

А Нинка и дородностью взяла,
И не читает разных умных книжек.
Её проворных пальцев-коротышек
Боятся все домашние дела.

«Всё к лучшему!», — кричали небеса,
Им вторила раздетая аллея.
Но зрела горькой ягодой слеза,
От неизбывной мысли тяжелея.

О чём жалеть — любовь давно в былом,
И до мечты далёкой что за дело...
Летела Осень... Золотым крылом
Светло и больно за душу задела.

ПРОГУЛКА С СЫНОМ ВОЗЛЕ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ КОЛОМНЫ

«Мама, отчего тут кирпичи красны?» —
«Это кровь, сынок, защитников стены.
В давних битвах столько крови пролилось,
Что стена большая вымокла насквозь».

«Мама, отчего тогда земля черна?» —
«Воинов бесстрашных приняла она,
И, как мать, скорбит о них века,
Не снимая чёрного платка».

Вечер звенел комариной струною,
Белая церковка гасла вдали.
Мама до ночи сидела со мною,
Мы про коробушку песню вели.

В сумраке поле широкое стыло,
В речке дрожала колючка-звезда.
Что же ты, мама, себе изменила,
Или тебя изменили года?

Хмурая ты. Улыбаешься еле,
И ни о чём-то тебя не спроси...
Как бы давно вечерами не пели
Песен, что долго живут на Руси.

Мне говоришь: «Ты гляди — похудела...
Боже, за что, за какие грехи? —
Танька, опомнись: твоё ль это дело —
Тридцать уж с лишком, а ты — за стихи!

Недосыпаешь... Здоровья-то нету.
Малый ребёнок, по дому дела...
А если хочешь ты, дочка, в поэты, —
То для чего же семью завела?»

Что я порой возражаю несмело —
Слушать не хочешь. Твердишь: «Помолчи!» —
Будто не ты мне «Коробушку» пела
В дальней, тобою забытой ночи.

От наставлений куда же мне деться? —
Я — с головою в далёкое детство...
Вечер звенел комариной струною,
Мама «Коробушку» пела со мною.

Ветка плакучей ивы жёлтую чертит грусть,
 Или мне давит душу песен неспетых груз.
 Рыжий мой конь закаты мчится вдаль, за луга,
 И тяготится ношей — очень она легка.

Рыжий мой конь заката! Слушай, остановись, —
 В будничном сером свете бьётся Жар-птица — мысль.
 Вновь рука от корыта тянется к карандашу,
 Только оковы быта я на себе ношу...

Солнечный день родится в дальнем каком году? —
 Ведь иногда Жар-птица в старом гостит саду.
 Ждать никогда не поздно и ни в какие дни...
 Что надо мною — звёзды? Нет, земные огни!

ЖЕНЩИНА

Отблеск чистого утра во взоре храня,
 Сторонилась обычных забот и тревог.
 И казалось — жила для грядущего дня,
 И казалось, что день тот уже недалёк.

Но увял перед нею сиреневый цвет,
 Стали глубже глаза, а шаги — тяжелей.
 Оглянулась. Подумала: «Где же рассвет?» —
 Зарябило в глазах от ночных фонарей.

Я квартиру тесную покину
 И одна уйду гулять в поля.
 На какую на беду-кручину
 Увидала в небе журавля?

Вот он, вот он, — полетел иль снится,
Вон он, вон он, — скрылся в облаках,
И такой постылою синица
Показалась у меня в руках.

Я синицу выпущу на волю, —
А она, несчастная, за мной.
Ой ты, горе, поле, моё, поле,
Да над полем — сумрак неземной.

Улетай же, бедная синица,
Мне с тобою белый свет не мил!
Мне на свете радость — лишь приснится
Взмах его широких сильных крыл.

Что подруги, что мои родные,
Что мне разом опустевший дом?..
Только сосны видели немые,
Как рвалась душа за журавлём!

Вспоминаю далёкое детство:
Маму, бабу да солнечный плёс...
Мне от бабушки Натальи в наследство —
Рыжина беспокойных волос.

Бабушка книги в руках не держала —
Чтила жизни старинной уклад:
Под снопами на поле рожала
Голосистых здоровых ребят.

Две войны её яркие шали
Дочерна опалили, дотла.
Восемь деток — росли-подрастали,
Девять деток — земля приняла.

Упокоилось бренное тело,
Завершило земные дела.
В моём доме свеча не горела,
Что покойница-бабка зажгла.

Не горела... И что за причина —
Оправдания канули в ночь.
Вот ращу я единого сына,
Нерождённой оставила — дочь.

Может, век наш нейтронный — помеха,
Что не слышно детишек в дому,
Иль войны отдалённое эхо
По здоровью прошлось моему.

Бабка, бабушка... Думаю снова
Про твоё житиё-бытиё...
А моё долгожданное слово —
Не из песни ли дальней её?

Этот уголок необитаем
Для движений города почти.
Здесь сугробы не дадут трамваям
Громко через улицу пройти.

Тут проходят жители нескоро,
Тут слышнее звонкий смех ребят,

И резных наличников узоры
О старинных сказках говорят.

Этот старый уголок Коломны,
Низких крыш спокойный мягкий свет...
И вода студёная колонки —
Словно из далёких детских лет.

В. М.

Разве всё — ни весны и ни радуги,
Только осень да хмурая темь?
Годы-листья кружили и падали,
Но душа не угасла совсем.

За рассветными зорями давними
Улетели мои журавли.
Лиховеи свистали за ставными,
Но души остудить не смогли.

Бродит в поле глухая метелица,
Укрывая полуночный след.
И прохожему чудится, верится,
И прохожему видится свет.

Коль ты друг и устал в неуютности —
Обогрейся... Тепло от печи.
Посидим, будто оба мы — в юности,
У неярко горящей свечи.

Коли недруг — не брошу проклятия.
Тем, однако, и жизнь хороша:
У ветров четырёх на распятии,
Да на вечном распутье душа.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Не ждала, не звала, не искала —
Стал закат удивительно светел.
Улыбнулась вечерне-устало,
Он прошёл — не взглянул, не заметил.

Повернулась на солнце на красно,
Засветилась неярким нарядом.
Не подумала: это — напрасно,
Никогда ведь не сможете — рядом...

Как тогда ты у Бога просила
Не себе, а ему — вдохновенья!
Как лицо твоё празднично было,
Коль теплел его взгляд на мгновенье!

А потом — бесконечная осень,
На ресницах — тоски паутины,
В изголовье — холодные росы,
Да приметнее стали морщины.

Отрешённое тонкое тело
Приласкал засыпающий ветер.
Пред концом озаренье согрело:
Не напрасно жила ты на свете!

ТРАВА ЗАБВЕНЬЯ

Буйно восходят разные травы,
Дышишь — и кругом идёт голова.
Двадцать уж лет, как не стало державы, —
Вызрела в поле забвенья трава.

Самое горькое зелье на свете.
Ей бы, поганой, лучше не цвести! —
Запах вдыхают взрослые, дети, —
И забывают, кто они есть.

Русь ослабела... В выцветшей шали
Бродит по полю едва-едва:
Чёрные маги хворобу наслали —
Глянь — колосится забвенья трава.

Парень, с похмелья хлебнув из-под крана,
Воет по-волчьи: болит голова.
Русая девочка хочет в путаны...
Щедро восходит забвенья трава.

Зельем сманила, спать уложила
В землю сырую лет в сорок пять.
Щедро поит её тёмная сила,
Гибнет народ... Его не поднять.

Где богатырь наш — могучий, былинный, —
Спит на печи который уж год.
Выйдем на поле с иконой старинной —
Да неужели Господь не спасёт?

Свищут разбойники... Вольному — воля.
Тянет гнильём от заморских болот.
Двинется Русь — до кровавых мозолей
Землю свою от забвенья полоть!

ФИНИСТ — ЯСНЫЙ СОКОЛ

Не ходи вокруг меня да около,
И не хмурь густую бровь-дугу:
Пёрышко Финиста — Ясна Сокола
Под подушкой тайно берегу.

С ним сходились — пылки и невенчаны —
Да навряд ли свидимся опять.
Горевая доля каждой женщины —
Вечно ждать... Надеяться и ждать...

Я б хотела — тонкая, смешливая, —
Разгадать судьбину до конца.
Убежали годы суетливые,
И украли маков цвет с лица.

Спит с царевной мой далёкий суженый,
Обо мне не вспомнив ни на миг.
«Бабушка!» — внучата кличут ужинать.
Притулился у окна старик.

Обступили хвори беспросветные,
Нуют ноги в дождь или пургу.
Но Финиста Сокола заветное
И сейчас перо я берегу!